

RUGRAM

Роберт Музиль
Человек без свойств
том 2

ФТМ

Москва

2 0 2 2

УДК 82-3
ББК 84(4Авс)5
М89

ROBERT MUSIL
Der Mann ohne Eigenschaften
1930

Перевел с немецкого С. Апт

Музиль Р.

М89 Человек без свойств : в 2 т. Т. 2 / Роберт Музиль ; [пер. с нем. С. Апта]. — М. : «RUGRAM_ФТМ», 2022. — (Серия «Мировая классика»).

ISBN 978-5-4467-3598-3

Том 2. — 575 с.

ISBN 978-5-521-74703-0 (Том 2)

Роман австрийского писателя Роберта Музиля (1880–1942) о распаде империи. Этот «роман идей» стал важнейшей вехой в истории немецкоязычной литературы XX века. Публикуется в каноническом переводе С. К. Апта.

УДК 82-3
ББК 84(4Авс)5

ISBN 978-5-4467-3598-3
ISBN 978-5-521-74703-0 (Том 2)

© Апт С. К., наследники, перевод
на русский язык, 2022
© Оформление.
ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2022

Часть третья

В Тысячелетнее Царство

/Преступники/

Когда Ульрих, приехав к вечеру того же дня в... *, вышел из вокзала, перед ним открылась широкая, похожая на мелкую чашу площадь с улицами с обеих сторон, и зрелище это наполнило его память чуть ли не болью, как то бывает, когда глядишь на места, которые ты часто видел и всегда забывал.

«Уверяю вас, доходы сократились на двадцать процентов, а жизнь стала на двадцать процентов дороже — получается сорок процентов!» — «А я уверяю вас, что шестидневные велогонки — это событие, соединяющее народы!» Голоса эти выходили сейчас из его ушей — голоса купе. Затем он явственно услышал, как кто-то сказал: «Все равно для меня нет ничего выше оперы!» — «Это, видимо, ваше увлечение?» — «Нет, страсть...» Он наклонил голову, словно вытряхивая воду из уха. Поезд был полон, а ехали долго; капли общего разговора, просочившиеся в него за время пути, вытекали обратно. Среди веселой суматохи приезда, хлынувшей из двери вокзала, как из жерла трубы, в тишину площади, Ульрих подождал, пока эта струя не сделалась тоненькой, прерывистой струйкой; и вот он стоял в вакууме тишины, которая следует за шумом. И одновременно с непокоем слуха, возникшим отсюда, ощутил непривычный покой перед глазами. Все зримое было в этом покое резче, чем где-либо, и когда он взглянул через площадь, совер-

шенно обычные переплеты окон на другой стороне чернели среди бледного блеска стекла так, словно они были крестами Голгофы. И все, что двигалось, отделялось здесь от неподвижного не так, как это бывает в очень больших городах. Тому, что находилось в движении, и тому, что стояло на месте, здесь явно хватало простора расширять свою значимость. Он отмечал это с некоторым любопытством свиданья после разлуки, разглядывая большой провинциальный город, где прошло несколько коротких, но малоприятных полос его жизни. В характере этого города было, как он прекрасно знал, что-то безродно-колониальное. Древняя ветвь немецкого бюргерства, попавшая несколько столетий назад на славянскую землю, здесь захирела, и о ней мало что напоминало теперь, кроме немногих церквей и фамилий, да и от прежней резиденции земского представительства, которой был этот город позднее, почти ничего не осталось, кроме хорошо сохранившегося красивого дворца; но на это прошлое во времена абсолютной власти лег густой слой императорской администрации с ее провинциальными штаб-квартирами, начальными и высшими учебными заведениями, казармами, судами, тюрьмами, дворцом епископа, залом для танцев, театром и всеми причастными к ним людьми, а также с торговцами и ремесленниками, которых эти люди за собой потянули, а уж потом развилась и промышленность — благодаря приехавшим предпринимателям, чьи фабрики, крыша к крыше, заполнили предместья и при последних поколениях влияли на судьбу этого уголка земли сильнее, чем все другое. У этого города была история, было у него и лицо, но такое, где глаза не соответствовали рту, а подбородок — волосам, и на всем лежали следы бурной, но внутренне пустой жизни. Возможно, что при особых личных обстоятельствах это благоприятствовало экстраординарному и недюжинному.

Если выразиться столь же осторожно и точно, то Ульрих чувствовал какую-то «духовную бессодержательность», в которой ты терялся настолько, что это склоняло к необузданной игре воображения. Странная телеграмма отца была у него в кармане, и он помнил ее наизусть: «Ставлю тебя

в известность о последовавшей моей кончине», — велел сообщить ему старик — или следовало сказать: «сообщил», как на то и в самом деле указывала подпись «твой отец»? Его превосходительство, действительный тайный советник, никогда не шутил в серьезные минуты; причудливая формулировка была и впрямь чертовски логична, ибо оповещал сына все-таки не кто иной, как он сам, когда в ожидании своего конца писал или диктовал этот текст, приурочивая вступление в силу возникающего таким путем документа к мгновению своего последнего вздоха. Точнее выразить ситуацию, пожалуй, даже нельзя было, и все же от этого акта, где настоящее пыталось овладеть будущим, до которого оно дожить не могло, жутковато веяло трупным запахом злобно истлевшей воли!

При мысли об этом поступке, по какой-то ассоциации напомнившем ему прямо-таки нарочито неуравновешенный нрав маленьких городков, Ульрих не без тревоги подумал о своей жившей в провинции замужней сестре, с которой он, наверно, через несколько минут встретится. Он думал о ней уже и в пути, ибо знал о ней мало что. Время от времени через письма отца до него доходили очередные семейные новости, например: «Твоя сестра Агата вышла замуж», — после чего следовали дополнительные подробности, ибо Ульрих тогда не смог съездить домой. А приблизительно через год он уже был оповещен о смерти молодого супруга; а года, если он не ошибался, через три пришло сообщение: «Твоя сестра Агата, к моему удовлетворению, решила снова выйти замуж». На этой второй свадьбе пять лет назад он присутствовал и видел сестру несколько дней; но помнил он только, что дни эти были как гигантское колесо из белошвейных изделий, непрестанно вертевшееся. Помнил он и супруга, который ему не понравился. Агате было тогда, наверно, двадцать два года, а ему самому двадцать семь лет, ибо как раз тогда он получил докторскую степень; значит, сейчас его сестре было двадцать семь, и с тех пор он ни разу не видел ее и не обменивался с ней письмами. Он помнил только, что позднее отец часто писал: «В браке твоей сестры, по-видимому, не все, увы, обстоит так, как могло

бы, хотя супруг ее человек превосходный». Были и такие строки: «Я был очень рад недавним успехам мужа твоей сестры Агаты». Таков был, во всяком случае, смысл писем, которым он, к сожалению, никогда не уделял внимания; но один раз, это Ульрих сейчас отчетливо вспомнил, с осудительным замечанием о бездетности его сестры связывалась надежда, что она все-таки довольна своим браком, хотя ее нрав никогда не позволит ей это признать. «Как она теперь выглядит?» — думал он. Характерно для старика, который так тщательно извещал их друг о друге, было то, что обоих он в хрупком возрасте, сразу после смерти их матери, выдворил из дому; они воспитывались в отдаленных друг от друга учебных заведениях, и Ульриху, который вел себя скверно, часто не разрешали съездить на каникулы домой, так что свою сестру он с детства, когда они, впрочем, очень любили друг друга, толком не видел, если не считать одного-единственного довольно продолжительного свидания, когда Агате было десять лет.

Ульриху казалось естественным, что при таких обстоятельствах они и не переписывались. О чем они могли друг другу писать? Когда Агата в первый раз вышла замуж, он, как он теперь вспоминал, был лейтенантом и лежал после ранения на дуэли в госпитале. Боже, каким он был ослом! Каким, в сущности, множеством разных ослов! Ибо он вспомнил, что лейтенантская история с дуэлью тут ни при чем: он был тогда уже почти инженером и занимался чем-то «важным», отчего и не стал участвовать в семейном празднике! А о сестре он слышал потом, что она очень любила своего первого мужа. Он уж не помнил, через кого он это узнал, но что, в сущности, значит «она очень любила»?! Это ведь так говорится. Она опять вышла замуж, и второго ее мужа Ульрих терпеть не мог — вот это не подлежало сомнению! Неприязнь к нему основывалась не только на личном впечатлении, но и на нескольких записанных им книгах, прочитав которые Ульрих, может быть, не совсем случайно выкинул из памяти сестру. Поступок был не очень красивый; но он не мог не признаться себе, что даже в истекшем году, когда он о стольком думал, он ни разу не вспомнил